

Пессимизмъ и оптимизмъ.

I.

Восточное происхождение пессимизма.—Поэты пессимисты.—Байронъ.—Леопарди.—Пушкинъ.—Лермонтовъ.—Пессимизмъ и самоубійство.

При попыткѣ обосновать оптимистическую-теорію человѣческой природы невольно возникаетъ вопросъ: почему же столько выдающихся умовъ останавливалось на чисто-пессимистическомъ міровоззрѣніи?

Пессимизмъ—очень давняго происхожденія, хотя проповѣдывался онъ и распространился главнымъ образомъ въ современную намъ эпоху.

Всѣмъ извѣстенъ пессимистическій возгласъ Екклесіаста за десять вѣковъ до нашей эры: «все суета суетъ и всяческая суета!». Предполагаемый авторъ этого изреченія *Соломонъ* провозглашаетъ, что онъ «возненавидѣлъ жизнь, потому что противны стали ему дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ, ибо все суета и томленіе духа» (*Екклесіастъ*, II, 17).

Будда возвелъ пессимизмъ на степень ученія. По его мнѣнію, жизнь есть сплошное страданіе. «Рожденіе—страданіе, старость—страданіе, смерть—страданіе, связь безъ любви—страданіе, разлука съ любимымъ—страданіе, неудовлетворенное желаніе—страданіе; кратко сказать: всякая усиленная привязанность ко всему земному—страданіе» ¹⁾.

Этотъ пессимизмъ *Будды* послужилъ источникомъ большинства современныхъ пессимистическихъ теорій.

Будучи восточнаго происхожденія, пессимизмъ очень сильно распространился въ Индію, даже помню буддизма.

Въ «Бхартрихари», стансахъ начала христіанской эры, такъ изливается печаль о человѣческомъ существованіи: «Жизнь человѣка ограничивается ста годами; ночь занимаетъ половину этихъ

¹⁾ Цитата *Ольденберга. Будда.* Франц. пер. Парижъ, 1894 г., стр. 214.

лѣтъ; половина остальной половины поглощена дѣтствомъ и старостью; то, что остается, проходить среди болѣзней, разлукъ и сопровождающихъ ихъ горестей, службы постороннимъ и тому подобныхъ занятій. Гдѣ же найти счастье въ жизни, сходной съ пузырями, вызванными движеніемъ волнъ?» «Здоровье челоуѣка разрушается заботами и всякими болѣзнями. Ниспослано ли богатство,—вслѣдъ за нимъ, какъ въ открытую дверь, слѣдуетъ и несчастье. Одно за другимъ захватываетъ смерть все живущее, и оно не въ силахъ противиться своей участи. Что же прочно во всемъ, сотворенномъ всесильнымъ Брамоу?»¹⁾

Съ азіатскаго востока пессимистическія теоріи распространились въ Египетъ и въ Европу.

Уже за три вѣка до Рождества Христова возникла философія *Гегезія*. Онъ проповѣдывалъ, что надежда большею частью влечетъ за собой разочарованіе и что наслажденіе вскорѣ вызываетъ пресыщеніе и отвращеніе. По его мнѣнію, сумма страданій превышаетъ сумму наслажденій, такъ что счастье недостижимо и въ дѣйствительности никогда не существуетъ. Совершенно напрасно, слѣдовательно, искать удовольствія и счастья, которыя неосуществимы. Скорѣе слѣдуетъ вырабатывать въ себѣ равнодушіе, подавляя чувствительность и желанія.

Въ концѣ-концовъ жизнь и смерть стоятъ другъ друга, такъ что часто предпочтительно покончить съ жизнью самоубійствомъ.

Гегезія прозвали *Пейзитаномъ*, что значитъ: совѣтникъ смерти. «Къ нему стекались многочисленные послѣдователи; ученіе его быстро распространялось, и убѣжденные ученики лишали себя жизни. Царь *Птоломей* встревожился, боясь, какъ бы это отвращеніе къ жизни не стало заразительнымъ. Онъ закрылъ школу *Гегезія*, а самого его изгналъ»²⁾.

Пессимистическая нота звучитъ иногда у различныхъ греческихъ и латинскихъ философовъ и поэтовъ. *Сенека* находитъ, что «въ общемъ челоуѣческая жизнь жалка». «Толпой сыплются новыя бѣды, раньше чѣмъ ты успѣлъ отдать дань прежнимъ»³⁾.

Но особенно распространился пессимизмъ въ новѣйшія времена.

Помимо философскихъ теорій прошлаго вѣка (каковы ученія *Шопенгауэра*, *Гартманна* и *Майнлендера*, о которыхъ было достаточно сказано въ «Этюдахъ о природѣ челоуѣка»), пессимисти-

¹⁾ *Régnaud*. Браминскій пессимизмъ. *Annales du Musée Guimet*. 1880 г., т. I, стр. 110 и 111.

²⁾ *Gurau*. La morale d'Épicure, 4-е изданіе, 1904 г., стр. 116.

³⁾ *As Marciam*, глава X.

ческое міровоззрѣніе главнымъ образомъ было развито поэтами. Мы знаемъ, какъ выражалъ *Байронъ* свои жалобы на жизнь человѣческую. Вскорѣ послѣ смерти знаменитаго англійскаго поэта раздались полные отчаянія вопли извѣстнаго итальянскаго лирика *Джакомо Леонарди*. Вотъ слова, съ которыми онъ обращается къ собственному сердцу ¹⁾: «Успокойся навѣкъ, довольно трепетало ты, ничто не стоитъ этого трепета, и земля недостойна твоихъ вздоховъ. Жизнь—не что иное, какъ горечь и скука. Міръ—одинъ прахъ. Успокойся навѣкъ. Покинь надежду навсегда. Нашему роду суждена одна смерть. Презирай навсегда и самого себя, и природу, и постыдную скрытую силу, повелѣвающую всеобщее разрушеніе и безконечную измѣнчивость всего».

Леонарди дѣлаетъ читателей свидѣтелями своихъ нравственныхъ тревогъ и мученій. Онъ повѣряетъ имъ свои намѣренія. Въ стихахъ, посвященныхъ *Карлу Пеполі*, онъ говоритъ: «Я изучу слѣпую правду; я изучу слѣпую судьбу всего смертнаго и вѣчнаго: зачѣмъ было создано человѣчество и обречено на горе и страданія; къ какой конечной цѣли направляютъ его судьба и природа; кому пріятно или кому нужно наше великое страданіе; какой порядокъ, какіе законы управляютъ этимъ таинственнымъ міромъ, восхваляемымъ мудрецами и которымъ я могу только любоваться» (id., стр. 15).

Возникла цѣлая плеяда поэтовъ, воспѣвающихъ мировую скорбь, «*Weltschmerz*» нѣмецкихъ авторовъ; среди послѣднихъ особенно выдѣлились *Гейне* и *Николай Ленау*.

Русская поэзія развилась отчасти подъ вліяніемъ *Байрона*. Ея лучшіе представители, *Пушкинъ* и *Лермонтовъ*, часто задавались вопросомъ о цѣли человѣческой жизни, и отвѣтъ ихъ былъ глубоко безнадежнымъ. *Пушкинъ* слѣдующимъ образомъ формулируетъ свое пессимистическое міровоззрѣніе:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
И зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь обречена?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ?
Сердце мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣнемъ взволновалъ?
Цѣли нѣтъ передо мною...
Пусто сердце, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ...

¹⁾ Стихи и сочиненія нравственнаго содержанія *Леонарди*. Франц. пер., 1880 г. стр. 49.

Если, съ одной стороны, пессимистическіе поэты и философы отражали мнѣнія и чувства своихъ современниковъ, то, съ другой стороны, сами они имѣли несомнѣнное вліяніе на читателей. Такимъ образомъ укоренилось пессимистическое міровоззрѣніе, сквозь которое на жизнь смотрѣли какъ на рядъ страданій, не уравновѣшенныхъ никакими благами.

Очень вѣроятно, что идеи эти имѣли извѣстное вліяніе на современное распространеніе самоубійствъ. Хотя внутренніе мотивы большинства послѣднихъ намъ еще мало извѣстны, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что общее міровоззрѣніе должно играть здѣсь значительную роль. Статистика ставитъ большую часть самоубійствъ на счетъ «ипохондріи, меланхоліи, пресыщенія жизнью и сумасшествія». Такъ, данныя датской статистики (какъ извѣстно, въ Даніи самоубійства очень распространены) показываютъ, что въ періодъ времени отъ 1886 по 1895 г. изъ 1.000 произвольныхъ смертей 224, т.-е. $\frac{1}{4}$, зависѣли отъ вышеупомянутыхъ причинъ. Соответствующая цифра еще выше для женщинъ, такъ какъ она составляетъ почти половину случаевъ (403 на 1.000). У мужчинъ изъ причинъ самоубійства на второмъ мѣстѣ стоитъ алкоголизмъ: изъ 1.000 случаевъ имъ обусловлены 164.

Очень вѣроятно, что въ обѣихъ категоріяхъ самоубійства основа—пессимистическая.

Если устранить настоящихъ умалишенныхъ, то среди меланхоликовъ, ипохондриковъ и разочарованныхъ жизнью должно оставаться значительное число лицъ, умственное состояніе которыхъ не было патологическимъ въ узкомъ смыслѣ слова, но которыя лишили себя жизни вслѣдствіе пессимистическаго міровоззрѣнія. Между алкоголиками многіе злоупотребляютъ спиртными напитками вслѣдствіе убѣжденія, что жизнь не стоитъ того, чтобы беречь ее.

Прогрессивное увеличеніе числа самоубійствъ въ настоящее время указываетъ въ свою очередь на вліяніе пессимистическихъ теорій.

Дѣло дошло даже до учрежденія обществъ «любителей самоубійства». Рассказываютъ, что въ подобномъ обществѣ, основанномъ въ Парижѣ въ началѣ прошлаго вѣка, нѣкоторые клали въ урну записки со своими именами, съ тѣмъ, чтобы тотъ, имя котораго будетъ вытянуто по жребію, лишилъ себя жизни въ присутствіи своихъ сочленовъ. По уставу общества, въ него допускали только людей уважаемыхъ, испытавшихъ несправедливость людскую, неблагодарность друга, измѣну жены или любовницы; сверхъ же всего, кандидатъ долженъ былъ уже годами испытывать душевную пустоту и неудовлетворенность отъ всего въ мірѣ ¹⁾.

¹⁾ Dieudonné. Archiv für Kulturgeschichte, 1903 г., т. I, стр. 357.

Итакъ, безповоротное рѣшеніе на самоубійство должно было быть основано на пессимистическомъ міровоззрѣніи.

Между тѣмъ какъ въ Западной Европѣ за послѣднее время замѣчается постепенное уменьшеніе числа самоубійствъ, въ Россіи оно замѣтно увеличивается. Нужно думать, что это явленіе временное, связанное отчасти съ рѣзкимъ измѣненіемъ государственнаго строя. Къ сожалѣнію, оно еще не достаточно изучено.

II.

Попытки опредѣлить причины пессимистическаго міровоззрѣнія. — Мысли Эд. Гартманна по этому поводу. — Критика работы Ковалевскаго о психологіи пессимизма.

Факты, собранные въ предыдущей главѣ, вызываютъ вопросъ: имѣемъ ли мы возможность уловить механизмъ, приводящій людей къ убѣжденію, что жизнь—зло, отъ котораго слѣдуетъ искать избавленія?

Почему такъ распространено мнѣніе, будто человѣкъ несчастнѣе животныхъ, а образованные и умные люди несчастнѣе невѣжды и глупцовъ?

Какъ видно изъ вышеприведеннаго устава общества любителей самоубійства, отвращеніе къ жизни происходитъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе несправедливостей и измѣнъ. *Шекспиръ* говоритъ устами Гамлета, что если бы возможно было пресѣчь жизнь, то никто не согласился бы продолжать жить:

Кто снесъ бы бичъ и посмѣянье вѣка,
Безсилье правъ, тирановъ притѣсненіе.

По мнѣнію *Байрона*, кромѣ видимыхъ бѣдъ, какъ болѣзни, смерть и рабство, существуетъ еще гораздо худшее зло: «зло невидимое и неизлѣчимое, проникающее въ душу и вѣчно снова ее раздирающее».

Во многихъ изъ своихъ произведеній *Байронъ* настаиваетъ на почти постоянномъ ощущеніи пресыщенія жизнью. Всякое удовольствіе тотчасъ перерождается у него въ болѣе сильное чувство отвращенія.

Гейне смотритъ на жизнь, какъ на бѣдствіе, потому что «сквозь твердыя, каменные поверхности видитъ жилища людей и сердца людей» и узнаетъ «какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ ложь, лицемеріе и нищету» ¹⁾.

¹⁾ Какъ эта, такъ и двѣ предшествующія цитаты приведены изъ сочиненія *Джемса Сэлли*: „Пессимизмъ“. Франц. перев. Парижъ, 1882 г., стр. 24, 23, 11.

Какъ я пытался показать это въ «Этюдахъ о природѣ чело-вѣка», въ пессимистическомъ міровоззрѣніи существенную роль играетъ сознаніе краткости жизни.

Всѣ проповѣдники пессимизма постоянно возвращаются къ этой темѣ. *Леонарди* въ нѣсколько приемовъ развиваетъ ее въ своихъ стихотвореніяхъ.

Онъ говоритъ въ «Воспоминаніяхъ»: «Таинственная болѣзнь грозила мнѣ смертельной опасностью, и я оплакивалъ свою чудную молодость, цвѣтъ бѣдныхъ дней моихъ, *такъ быстро опадающій*. Часто въ поздніе часы, сидя на кровати, свидѣтельница моихъ страданій, при свѣтѣ лампы—горестной поэмы—я жаловался втихомолку на свою *мимолетную жизнь* и, томясь, пѣлъ себѣ похоронную пѣснь» (I. с., стр. 28).

Леонарди такъ размышляетъ подъ впечатлѣніемъ барельефа на древней гробницѣ, изображающаго прощаніе умершей молодой дѣвушки съ семейю: «Мать, заставляющая съ самаго дня рожденія дрожать и плакать семью живущихъ. Природа, чудовище, недостойное воспѣванія, *зарождающее и вскармливающее для того, чтобы убить*: если преждевременная смерть—несчастье, то почему обрекаешь ты на него невинныя головы? Если же она—добро, то почему такъ тяжела разлука съ жизнью и для умирающаго, и для остающихся? Почему нѣтъ горя болѣе неутѣшнаго?..» «Смерть—единственное освобожденіе отъ нашихъ бѣдъ; она—неизбѣжная цѣль, неизблennyй законъ, который ты установила для чело-вѣка. Увы! Отчего послѣ тяжелаго пути не сдѣлать намъ прибытія радостнымъ? Зачѣмъ окутывать черною вуалью и окружать такими грустными тѣнями эту неизбѣжную цѣль, которую мы имѣемъ всю жизнь передъ душой,—цѣль, когорая одна утѣшала насъ въ страданіяхъ? Зачѣмъ придавать пристани видъ болѣе ужасный, чѣмъ имѣла *пушина?*» (I. с., стр. 55).

Три главные жалобы—на жизненную неправду, на болѣзнь и на смерть—часто сливаются въ одну. Становятся на антропоморфическую точку зрѣнія, «судьбу» представляютъ себѣ въ видѣ злобнаго существа, несправедливо посылающаго людямъ всякія бѣдствія.

Къ пессимистическому міровоззрѣнію приходятъ путемъ сложной психологической работы, въ которой есть и чувства, и размышленія. Вотъ почему такъ трудно удовлетворительно анализировать ее и почему въ прежнія времена ограничивались общимъ и очень туманнымъ опредѣленіемъ механизма, приводящаго къ пессимизму.

Эд. Гартманнъ пытался точнѣе опредѣлить эту внутреннюю работу чело-вѣческой души. Во-первыхъ, онъ настаиваетъ на томъ, что удовольствія всегда доставляютъ меньше удовлетворенія, чѣмъ

тяжелыя ощущенія приносятъ страданія. Такъ, непріятность отъ диссонансовъ въ музыкѣ превосходитъ удовольствіе, получаемое даже отъ лучшихъ музыкальныхъ произведеній. Зубная боль гораздо чувствительнѣе, чѣмъ удовольствіе отъ прекращенія ея. То же самое относится ко всѣмъ другимъ болѣзнямъ.

Гартманнъ думаетъ, что и въ любви страданіе всегда преобладаетъ надъ удовольствіемъ, такъ что и здѣсь значительный перевѣсъ остается на сторонѣ страданія.

Физическій трудъ пріятенъ только въ очень малыхъ дозахъ. Даже занятія наукой и искусствомъ, вообще умственный трудъ, доставляютъ больше непріятныхъ, чѣмъ пріятныхъ ощущеній. Въ результатѣ этого анализа *Гартманнъ* приходитъ къ выводу, что «страданіе значительно превосходитъ удовольствіе въ этомъ мірѣ».

Итакъ, по его мнѣнію, основа пессимистическаго міросозерцанія заключается въ самой сущности человѣческихъ ощущеній.

Нѣмецкій философъ *Арнольдъ Ковалевскій* въ Кенигсбергѣ, руководствуясь современнымъ стремленіемъ измѣрять и сколь возможно опредѣлять психическія явленія, представилъ обстоятельную попытку психологическаго анализа пессимизма ¹⁾. Хотя она и не рѣшаетъ задачи, тѣмъ не менѣе имѣетъ нѣкоторый интересъ, какъ примѣръ приложенія метода, весьма модной въ современной психологіи.

Ковалевскій прибѣгаетъ ко всѣмъ средствамъ, которыми можно располагать для оцѣнки нашихъ ощущеній. Между прочимъ онъ старается воспользоваться замѣтками другого современнаго философа, *Мюнстерберга*, который ежедневно отмѣчалъ въ дневникѣ свои психическія и психофизическія ощущенія. Онъ нисколько не имѣлъ въ виду разъясненія вопроса о пессимизмѣ; поэтому-то *Ковалевскій* и считалъ его замѣтки особенно цѣнными для своихъ изслѣдованій.

Мюнстербергъ не ограничивается принятой классификаціей ощущеній на пріятныя и непріятныя. Онъ подраздѣляетъ ихъ на нѣсколько категорій. Такъ, онъ отличаетъ ощущенія спокойствія и возбужденія, серьезные и веселыя впечатлѣнія.

Изъ окончательнаго подсчета *Ковалевскій* выводитъ, что его коллега, не будучи вовсе пессимистомъ, а скорѣе уравновѣшеннымъ психологомъ, испытывалъ гораздо болѣе тяжелыхъ ощущеній, чѣмъ пріятныхъ. Онъ насчитываетъ приблизительно 60% первыхъ на 40% послѣднихъ. «Такой результатъ вполне подтверждаетъ пессимистическое міросозерцаніе», заключаетъ *Ковалевскій*.

¹⁾ Studien zur Psychologie des Pessimismus. Wiesbaden, 1904 г.

Казалось, что такой результат долженъ былъ бы остановить автора въ продолженіи подобныхъ изысканій. Если и у не-пессимиста непріятныя ощущенія значительно преобладаютъ надъ пріятными, то пессимизмъ долженъ объясняться чѣмъ-нибудь инымъ, а не этой разницей. *Ковалевскій*, однако, не замѣчая этого противорѣчія, продолжаетъ искать въ томъ же направленіи и пытается составить себѣ болѣе точное представленіе объ оцѣнкѣ нашихъ ощущеній. Онъ обращается къ народнымъ школамъ и заставляетъ учениковъ отмѣчать свои тяжелыя и пріятныя ощущенія. За мѣтки 104 мальчиковъ отъ 11-ти до 13-тилѣтняго возраста показали, что тяжелыя ощущенія гораздо чувствительнѣе, чѣмъ соответственныя пріятныя. Такъ, на 88 случаевъ, гдѣ болѣзнь была отмѣчена какъ зло, всего въ 21 случаѣ здоровье отмѣчено какъ благо.

Треть учениковъ отнесла войны къ бѣдствіямъ, между тѣмъ какъ всего одинъ отнесъ миръ къ благамъ. Бѣдность была засчитана въ категорію зла 13 разъ, богатство же упоминалось, какъ благо, всего два раза, и т. д.

Въ другой серіи наблюденій *Ковалевскій* отмѣчалъ оцѣнку радостей и печалей, сдѣланную учениками обоихъ половъ въ одной и той же школѣ. Въ результатѣ оказалось, что, по ихъ мнѣнію, величайшее зло—болѣзни (43 отмѣтки) и смерть (42). Затѣмъ слѣдуютъ: пожары (37), голодъ (23), наводненія (20) и т. д. Къ благамъ, какъ и слѣдовало ожидать, прежде всего были отнесены игры (30), а затѣмъ подарки.

Не находя возможнымъ разрѣшить вопросъ подобными изслѣдованіями, *Ковалевскій* сталъ искать болѣе точнаго метода. Съ этою цѣлью онъ обратился къ различнымъ ощущеніямъ: обонятельнымъ, слуховымъ и вкусовымъ, т.-е. къ такимъ, къ которымъ можно примѣнить методы точнаго измѣренія. Такимъ образомъ онъ опредѣляетъ минимальное количество вещества, способное вызвать явное ощущеніе хорошаго или дурного вкуса. Установленную этимъ путемъ вкусовую единицу онъ назвалъ «густіей». *Ковалевскому* никогда не удавалось въ своихъ опытахъ возмѣстить непріятныя вкусовые единицы *соответствующимъ* количествомъ пріятныхъ «густій». Такъ, для того, чтобы нейтрализовать дурной вкусъ хинина, ему приходилось употреблять гораздо большее количество густій сахара. Соотечественникъ *Канта* особенно восхищается слѣдующимъ опытомъ, весьма доказательнымъ по его мнѣнію. Четыремъ лицамъ даны были опредѣленные смѣси сахара и хинина, для того, чтобы установить пропорцію обоихъ веществъ, необходимую для полученія нейтральнаго вкуса. Оказалось, что «для прикрытія дурного вкуса

хинина надо было почти удвоить количество соответственных вкусовых единиц сахара ($6 : 3,3$)» (стр. 61).

Тот же результат получается и относительно запахов: дурные ощущаются въ значительно большей степени, чѣмъ хорошіе.

Такимъ образомъ получается цѣлый рядъ научныхъ наблюдений, подтверждающихъ положеніе пессимистовъ! Но вытекаетъ ли отсюда въ самомъ дѣлѣ, что міръ устроенъ наихудшимъ образомъ? Анализъ хорошаго и дурного расположенія духа, сдѣланный *Ковалевскимъ*, говорить въ пользу этого положенія.

Для точнаго опредѣленія этихъ душевныхъ состояній онъ изслѣдуетъ походку и высчитываетъ число шаговъ, сдѣланныхъ въ одну минуту.

Пріемъ этотъ основанъ на слѣдующемъ соображеніи:

«Всѣмъ извѣстно, что настроеніе выражается въ быстротѣ походки. Стоитъ представить себѣ медленную и величественную походку глубоко удрученнаго человѣка и сравнить ее съ быстрой, бурной веселаго. Горе дѣйствуетъ вообще подавляющимъ образомъ; веселость же способствуетъ подвижности» (стр. 45).

Результаты, основанные на этомъ измѣреніи, служатъ новымъ доводомъ въ пользу пессимизма. Намъ не зачѣмъ разбирать цифры, къ которымъ *Ковалевскій* счелъ нужнымъ примѣнять интегральное исчисленіе, такъ какъ очевидно, что его методъ непримѣнимъ. И въ самомъ дѣлѣ скорость ходьбы указываетъ только на степень возбужденія, а вовсе не на хорошее или дурное настроеніе.

Внезапное воспріятіе сильнаго ощущенія, будь оно пріятнымъ или непріятнымъ, вызываетъ потребность быстрого ходженія по комнатѣ или даже потребность выйти на улицу, чтобы двигаться свободнѣе. Письмо съ неожиданной вѣстью, напримѣръ, объ измѣнѣ любимаго человѣка или о неожиданномъ полученіи наслѣдства, вызываетъ возбужденіе, выражающееся внѣшнимъ образомъ быстрой ходьбой. Многіе ораторы и профессора чувствуютъ потребность ходить и жестикулировать для облегченія рѣчи. Ученый, которому приходится въ голову оригинальная мысль, требующая, разработки, ощущаетъ потребность встать и ходить. Но рядомъ съ этими пріятными возбужденіями мы ощущаемъ такую же потребность движенія отъ обиды или возмущенія.

Поэтому немислимо примѣнять методы вычисленія движеній къ изученію пессимистическаго душевнаго состоянія.

Ковалевскій обратился еще къ другому средству для рѣшенія интересующей его задачи. Онъ навелъ справки относительно пріятныхъ и тяжелыхъ воспоминаній. Онъ спрашивалъ дѣтей обоого пола, что они долше помнятъ: радости, или горести, и записывалъ

ихъ отвѣты. Результаты, полученные какъ имъ, такъ и американскимъ психологомъ *Колтровомъ*, оказались неблагоприятными для пессимистическаго ученія. Дѣйствительно, оказалось, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ (70%) преобладали пріятныя воспоминанія.

Но и этотъ рядъ опытовъ долженъ заключать крупный источникъ ошибокъ, основанный на настроеніи опрашиваемыхъ лицъ. Весьма вѣроятно, что *Ковалевскій* велъ свои разспросы въ школѣ во время перемѣны, когда большинство учениковъ чувствуетъ облегченіе отъ классной скуки. Удовольствіе же склоняетъ насъ скорѣе къ пріятнымъ воспоминаніямъ. Если бы разспросы производились во время скучнаго или труднаго урока или у дѣтей, запертыхъ въ больницѣ или въ карцерѣ, весьма вѣроятно, что получился бы обратный результатъ.

Ясно, что всѣ попытки рѣшить такой сложный вопросъ, какъ пессимизмъ, путемъ якобы точныхъ методовъ фізіологической психологіи не могутъ привести къ доказательнымъ выводамъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что различныя серіи опытовъ *Ковалевского* приводятъ къ разнорѣчивымъ результатамъ.

Въ то время какъ однѣ группы фактовъ подтверждаютъ пессимистическое міросозерцаніе, другія говорятъ противъ него! Не получается никакого точнаго и общаго вывода. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможно примѣнять измѣрительный методъ къ ощущеніямъ и эмоціямъ, столь различнымъ не только по качеству, но и по силѣ?

Вотъ, напримѣръ, человѣкъ, который въ теченіе одного дня ощутилъ девять тяжелыхъ впечатлѣній и только лишь одно пріятное. По оцѣнкѣ экспериментаторовъ-психологовъ этого достаточно, чтобы стать пессимистомъ. А между тѣмъ это вовсе не вѣрно, потому что девять тяжелыхъ впечатлѣній могли быть гораздо слабѣе одного радостнаго. Они могли быть вызваны мелкими оскорбленіями самолюбія, преходящими, но не серьезными болями, незначительными денежными потерями, между тѣмъ какъ радостное впечатлѣніе могло быть вызвано любовнымъ посланіемъ. Итогъ десяти впечатлѣній, слѣдовательно, былъ бы все же счастливымъ и долженъ былъ бы вызвать самое оптимистическое настроеніе.

Итакъ, приходится признать непригодность попытокъ примѣненія якобы научныхъ психологическихъ приѣмовъ къ рѣшенію нашей задачи.

Но такъ какъ умъ человѣка тѣмъ не менѣе чувствуетъ потребность выяснить психологію пессимизма, то намъ остается прибѣгнуть къ гораздо менѣе утонченному способу анализа послѣдняго, а именно — къ біографіямъ человѣческихъ личностей.

III.

Связь между пессимизмом и состояніемъ здоровья. — Исторія ученаго, бывшаго пессимистомъ въ молодости и ставшаго впоследствии оптимистомъ. — Оптимизмъ *Шопенгауэра* въ старости. — Развитие чувства жизни. — Развитие органовъ чувствъ у слѣпыхъ. — Чувство препятствій.

Здоровыя дѣти и животныя вообще веселы и обнаруживаютъ самое оптимистическое настроеніе. Но какъ только они заболѣваютъ, то становятся грустными и впадаютъ въ меланхолію — до выздоровленія. Отсюда можно бы заключить, что оптимистическое міросозерпаніе связано съ нормальнымъ здоровьемъ, въ то время какъ пессимизмъ зависитъ отъ какой-нибудь физической или душевной болѣзни. Поэтому у проповѣдниковъ пессимизма ищутъ источника ихъ міровоззрѣнія въ какой-нибудь глубоко гнѣздящейся болѣзни.

Мы видѣли, что пессимизмъ у *Байрона* приписывали его хромѣ, а у *Леопарди* — чахоткѣ.

Оба эти представителя пессимизма девятнадцатаго вѣка умерли молодыми. Но *Будда* и *Шопенгауэръ* жили долго, а *Гартманнъ* недавно умеръ 64 лѣтъ. Болѣзни ихъ въ молодости, слѣдовательно, не были очень опасны, а между тѣмъ они проповѣдывали самыя мрачныя теоріи насчетъ человѣческаго существованія.

По новымъ историческимъ изслѣдованіямъ д-ра *Ивана Блоха* ¹⁾ становится весьма правдоподобнымъ, что у *Шопенгауэра* въ молодости былъ сифилисъ. Найдена была записная книжка, въ которой великій философъ отмѣчалъ подробности предписаннаго ему усиленнаго ртутнаго лѣченія. Но эта болѣзнь постигла его лишь спустя нѣсколько лѣтъ послѣ появленія его главнаго пессимистическаго трактата.

Несмотря на всю справедливость разсужденій о причинахъ пессимизма, легко убѣдиться въ томъ, что задача наша гораздо сложнѣе, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Всѣмъ извѣстно, что слѣпые часто обладаютъ равнымъ, хорошимъ настроеніемъ и что одинъ изъ проповѣдниковъ оптимизма, философъ *Дюрингъ* ²⁾, ослѣпъ въ молодости.

Съ другой стороны, замѣчено, что хроническіе больные часто отличаются оптимистическимъ міровоззрѣніемъ, между тѣмъ какъ молодые люди, полные силъ и здоровья, становятся меланхоликами и предаются крайнему пессимизму. Контрастъ этотъ былъ отлично обрисованъ въ романѣ *Эмиля Золя* «Радость жизни», гдѣ старый подагрикъ, несмотря на страшныя страданія отъ острыхъ присту-

¹⁾ Medicinische Klinik, 1906 г., № 25 и 26.

²⁾ Der Werth des Lebens.

новъ болѣзни, сохраняетъ отличное настроеніе духа; рядомъ же съ нимъ его здоровый и молодой сынъ высказываетъ самыя пессимистическія воззрѣнія.

У меня есть двоюродный братъ, который очень рано ослѣпъ. Въ зрѣломъ возрастѣ у него развилось самое завидное міросозерцаніе. Онъ живетъ воображеніемъ, и все въ мірѣ кажется ему прекраснымъ и добрымъ. Онъ ничего не боится такъ, какъ—прозрѣть.

Онъ хорошо приспособился жить, не видя, и убѣжденъ, что дѣйствительность гораздо ниже воображаемаго имъ міра. Такъ, онъ боится, что если бы увидѣлъ свою жену, она показалась бы ему менѣе прекрасной, чѣмъ онъ представляетъ ее себѣ, будучи слѣпымъ.

Я знаю слѣпорожденную дѣвушку, парализованную съ дѣтства и подверженную падучей болѣзни. Она почти идиотка и, живя неподвижно въ своей повозочкѣ, видитъ, однако, жизнь въ самыхъ радужныхъ краскахъ. Она, безспорно, счастливѣйшій членъ всей семьи.

Хорошее настроеніе духа и манія величія прогрессивныхъ паралитиковъ всѣмъ извѣстны.

Всѣ эти примѣры показываютъ, что вовсе не такъ легко объяснить пессимизмъ отклоненіемъ отъ здоровья.

Для того, чтобы хоть сколько-нибудь выяснитъ этотъ вопросъ, слѣдуетъ подробно разобрать душевное состояніе какого-нибудь пессимиста.

Къ счастью, я очень близко знакомъ съ лицомъ, прошедшимъ черезъ періодъ жизни, окрашенный крайне мрачнымъ міросозерцаніемъ. Большая близость къ этому другу позволяетъ мнѣ воспользоваться моими наблюденіями для вышеизложенной цѣли.

Родители его обладали хорошимъ здоровьемъ, онъ былъ воспитанъ при средней зажиточности и вообще въ хорошихъ условіяхъ. Благодаря деревенской жизни, онъ избѣгъ дѣтскихъ болѣзней, развивался вполнѣ здоровымъ, хорошо учился въ гимназій и въ университетѣ. Убѣжденный въ томъ, что лишь одна наука способна доставить людямъ истинное счастье, и страстно любя ее, юноша съ большимъ рвеніемъ и настойчивостью пошелъ по научной дорогѣ.

Онъ былъ крайне нервень, и это, съ одной стороны, помогало ему въ работѣ, но съ другой — служило источникомъ множества бѣдствій. Онъ стремился поскорѣ достигнуть цѣли, и встрѣчаемыя по дорогѣ препятствія сильно склоняли его къ пессимизму. Такъ, сознавая свои способности, онъ считалъ, что старшіе должны помогать его развитію. Но видя равнодушіе, довольно естественное и особенно распространенное среди людей, уже достигшихъ цѣли, молодой ученый пришелъ къ заключенію, что противъ него интригуютъ и что хотятъ подавить его научныя силы. Отсюда возникъ

цѣлый рядъ столкновѣній и бѣдъ. Невозможность выйти изъ этого положенія такъ скоро, какъ это было бы желательно, вызывала въ немъ очень пессимистическое настроеніе. Онъ говорилъ себѣ, что въ жизни главное — умѣть приспособляться къ внѣшнимъ условіямъ. Тѣ же, которые не способны на это, устраняются путемъ дарвиновскаго закона естественнаго подбора. Выживаютъ не лучшіе, а болѣе ловкіе. Развѣ исторія земного шара не показываетъ намъ, что множество низшихъ животныхъ пережило существа несравненно болѣе развитыя и сложныя по организаціи? Въ то время какъ навсегда исчезло столько ближайшихъ къ человѣку высшихъ млекопитающихъ, низшія животныя, какъ, напримѣръ, зловонныя тараканы, сохранились съ отдаленныхъ временъ и кишатъ вокругъ человѣка, не особенно смущаясь всѣмъ тѣмъ, что онъ дѣлаетъ для ихъ уничтоженія.

Какъ животный міръ, такъ и эволюція человѣка показываютъ, что утонченность нервной системы развиваетъ умственную чувствительность, мѣшающую приспособленію и служащую источникомъ непоправимаго зла.

Малѣйшее оскорбленіе самолюбія, колкость со стороны товарища — все это повергало нашего пессимиста въ самое тягостное настроеніе. Нѣтъ, не стоитъ имѣть друзей, если это служитъ поводомъ къ постояннымъ глубокимъ уязвленіямъ! Лучше забиться въ какой-нибудь уголъ и жить спокойно среди своихъ научныхъ занятій.

Молодой ученый обожалъ музыку и часто посѣщалъ оперу. Между прочимъ ему запала въ душу арія изъ «Волшебной флейты»: «будь я малъ, какъ улитка, забился бъ я въ свою скорлупку!».

Къ усиленной нравственной чувствительности присоединялась не менѣе повышенная и физическая. Всякіе шумы, какъ свистъ паровика, выкрикиванія уличныхъ продавцовъ, лай собакъ и т. д., вызывали въ нашемъ ученомъ крайне болѣзненные ощущенія.

Малѣйшій просвѣтъ среди ночи мѣшалъ ему спать. Непріятный вкусъ большинства лѣкарствъ дѣлалъ примѣненіе ихъ для него невозможнымъ.

«О! тысячу разъ правы философы-пессимисты, — говорилъ онъ себѣ, — утверждая, что непріятныя ощущенія несравненно сильнѣе пріятныхъ!» Ему не зачѣмъ было дѣлать опытовъ съ «густіями» или «олфактіями» (вкусовыми или обонятельными единицами) для того, чтобы въ этомъ убѣдиться.

Онъ былъ увѣренъ, что родъ человѣческій не въ состояніи приспособиться къ внѣшнимъ условіямъ, благодаря своей физической организаціи, и что его должна будетъ постигнуть та же участь, какъ человѣкообразныхъ обезьянъ и мамонтовъ, исчезнувшихъ

изъ Европы вслѣдствіе неспособности примѣниться къ перемѣнѣ обстановки.

Обстоятельства жизни еще болѣе усилили пессимизмъ моего друга. Женившись на чахоточной и не имѣя состоянія, онъ долженъ былъ стать лицомъ къ лицу съ самыми крупными бѣдствіями въ жизни. Прежде здоровая молодая дѣвушка сильно простуживается въ одномъ изъ сѣверныхъ городовъ. «О, это неважно,—говорятъ доктора;—гриппъ теперь вездѣ свирѣпствуетъ и никому его не избѣжать. Немного терпѣнія и спокойствія, и все пройдетъ!» Но «гриппъ» не проходилъ, а привелъ къ общему ослабленію и видимому исхуданію. На этотъ разъ врачи нашли небольшое притупленіе въ верхушкѣ лѣваго легкаго. «Несомѣнно, есть кое-что, но, въ виду отсутствія наслѣдственного предрасположенія, нѣтъ причины къ серьезнымъ опасеніямъ».

Не стану описывать продолженія общеизвѣстнаго хода этой исторіи. Незначительный гриппъ превратился въ «катаръ лѣвой верхушки» и черезъ 4 года привелъ къ смерти послѣ неописуемыхъ страданій. Подъ конецъ, когда весь организмъ былъ уже расшатанъ, больную облегчалъ одинъ морфій. Подъ его вліяніемъ она проводила относительно-спокойные часы безъ болѣзненныхъ ощущеній. Возбужденное воображеніе ея вызывало всякія представленія, почти галлюцинаціи.

Неудивительно, что эта болѣзнь и смерть страшно сразили моего друга. Пессимизмъ его былъ уже прочно установленъ. Вдовецъ въ 28 лѣтъ, истощенный физически и нравственно, онъ по примѣру своей жены искалъ успокоенія въ морфій. «Но морфій—ядъ и въ концѣ-концовъ разстроитъ организмъ и погубитъ трудовую жизнь», говорилъ онъ себѣ. «Но къ чему жить? Нашъ организмъ такъ плохо устроенъ, что приспособленіе къ внѣшнимъ условіямъ невозможно, по крайней мѣрѣ, для людей со слишкомъ чувствительной нервной системой! Не лучше ли способствовать естественному подбору и уступить мѣсто другимъ?» И дѣйствительно, слишкомъ большой пріемъ морфія почти разрѣшилъ задачу. Онъ вызвалъ необычайно блаженное состояніе одновременно съ почти окончательнымъ упадкомъ физическихъ силъ...

Мало-по-малу жизненный инстинктъ сталъ, однако, пробуждаться, и мой пріятель вновь принялся за работу. Но пессимизмъ продолжалъ составлять основу его характера. «Нѣтъ, не стоитъ дорожить жизнью и преступно создавать новыя существа!»¹⁾

¹⁾ Мой критикъ, *Е. К. Толстой*, очень дурного мнѣнія о моемъ другѣ. Онъ считаетъ его трусомъ и сравниваетъ его съ „зайцемъ, которому со всѣхъ сторонъ грозятъ опасности“, и думаетъ, что онъ „мирится съ жизнью потому, что она стала

Нравственная и физическая чувствительность не уменьшались и приводили къ множеству страданій. «Несправедливость» и «непониманіе» людей отравляли жизнь моего друга, а черезъ это отражались и на его близкихъ. Однако преданный уходъ и усиленная забота сдѣлали его существованіе болѣе сносивымъ, хотя нимало не уменьшили его пессимистическаго образа мыслей. Ему ничего не стоило прибѣгать къ морфію изъ-за какой-нибудь «несправедливости» или раздраженія. Наконецъ, новый припадокъ отравленія положить предѣлъ злоупотребленію ядомъ.

Прошли годы. Въ спорахъ съ близкими о цѣли жизни пріятель мой продолжалъ съ увлеченіемъ отстаивать пессимистическія теоріи. Однако изрѣдка въ него стало прокрадываться сомнѣніе въ искренности его доводовъ. Такое недовѣріе къ себѣ удивляло его, такъ какъ онъ былъ вообще правдивымъ и искреннимъ по природѣ.

Разбираясь въ своемъ душевномъ состояніи, онъ подмѣтилъ въ себѣ нѣчто новое.

За эти длинные годы измѣнились въ немъ не идеи, а скорѣе чувства и ощущенія. Въ интенсивности послѣднихъ произошла большая перемѣна съ тѣхъ поръ, какъ онъ достигъ зрѣлаго возраста, между 45 и 50 годами. Непріятные звуки уже не такъ сильно дѣйствовали на него, какъ прежде, и онъ могъ спокойнѣе слышать мяуканье кошки или уличные крики продавцовъ. Вмѣстѣ съ ослабленіемъ чувствительности и характеръ сталъ спокойнѣе. Тѣ несправедливости и уколы самолюбія, которые прежде неминуемо приводили къ уколамъ морфія, теперь уже не вызывали никакихъ внѣшнихъ признаковъ огорченія. Ему легко удавалось скрывать послѣднее, да и ощущалъ онъ его безъ прежней остроты. Вслѣдствіе этого и характеръ его сталъ гораздо лучше для окружающихъ и несравненно болѣе уравновѣшеннымъ. «Это—наступленіе старости,—сказалъ себѣ мой другъ.—Я съ меньшей силой воспринимаю непріятныя ощущенія, но зато и къ пріятнымъ отношусь равнодушнѣе. Однако относительная пропорція ихъ должна быть та же, т.-е. зло все-таки вызываетъ гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ добро».

давать ему личныя наслажденія, хотя и очень скромныя" (I. с., стр. 168). По обыкновенію мой критикъ поспѣшно судить о томъ, чего не знаетъ достаточно. Мой другъ, котораго *К. Е. Толстой* представляетъ себѣ въ видѣ трусливаго зайца, неоднократно прививалъ себѣ болѣзнетворныхъ микробовъ и во время своихъ работъ черезчуръ часто подвергался опасности заразиться самыми страшными бактеріями, не исключая чумныхъ. Что же касается „личныхъ наслажденій“ моего друга, то среди нихъ первое мѣсто занимало изслѣдованіе научныхъ задачъ, въ которыхъ онъ видѣлъ самую дѣйствительную пользу для людей.

Благодаря анализу и взвѣшиванію своихъ впечатлѣній, пріятель мой открылъ въ себѣ еще нѣчто новое.—такъ сказать, цѣну нейтральныхъ ощущеній. Онъ менѣе страдалъ отъ дисгармоничныхъ звуковъ и менѣе наслаждался музыкальными, но тишина доставляла ему громадное удовольствіе.

Просыпаясь среди ночи, онъ ощущалъ родъ блаженства, напоминавшего ему то, которое въ былое время доставлялъ ему морфій: оно заключалось въ отсутствіи всякихъ звуковъ, какъ пріятныхъ, такъ и непріятныхъ.

Пріятель мой становился выносливѣе къ невкуснымъ лѣкарствамъ, но въ то же время равнодушнѣе къ изысканной їдѣ, которую цѣнилъ въ молодости.

Теперь всего больше удовольствія доставляли ему самыя простыя кушанья.

Стаканъ воды и кусокъ чернаго хлѣба сдѣлались для него настоящимъ лакомствомъ. Онъ полюбилъ прѣсныя блюда, которыхъ прежде избѣгалъ.

Въ психическомъ развитіи моего стараго друга произошла перемѣна, аналогичная той, которая наступила одно время въ эволюціи искусства и литературы, когда яркія краски уступили мѣсто полинялымъ, какъ у *Пювиз-де-Шаванна*, когда изображеніе полей и луговъ замѣнили горы и озера, а трагическія и романтическія сцены уступили мѣсто картинамъ обыденной жизни. вмѣсто того, чтобы искать наслажденія въ горахъ и вообще въ «живописныхъ» мѣстностяхъ, онъ сталъ удовлетворяться видомъ распускающихся листьевъ въ своемъ саду и наблюденіемъ того, какъ улитка, поборовъ свою робость, выпускаетъ щупальцы изъ раковины. Самыя простыя явленія, какъ лепетъ или улыбка грудного ребенка, первыя слова и разсужденія дѣтей, стали для него источникомъ настоящаго счастья.

Какъ объяснить эти перемѣны, потребовавшія столько лѣтъ для своего осуществленія? Развитіемъ чувства жизни, думаю я. Въ молодости инстинктъ этотъ слабо выраженъ.

Подобно тому, какъ вначалѣ половыя сношенія доставляютъ молодой женщинѣ скорѣе страданія, чѣмъ наслажденіе, подобно тому, какъ ребенокъ плачетъ при рожденіи, точно такъ же и въ жизненныхъ впечатлѣніяхъ въ продолженіе долгаго періода страданія воспринимаются сильнѣе наслажденій, особенно при усиленной чувствительности. Но чувства и ощущенія могутъ измѣняться: они слѣдуютъ опредѣленному развитію, которое и приводитъ, при нормальныхъ условіяхъ, къ психическому равновѣсію. Поэтому даже такой упорный пессимистъ, какъ мой пріятель, кончилъ тѣмъ, что

присоединился къ моему оптимистическому міровоззрѣнію. Споры, которые мы вели такъ давно по этому поводу, привели насъ къ полнѣйшему соглашенію. «Но для того, чтобы понять смыслъ жизни,—говорилъ онъ,—надо долго прожить; безъ этого находишься въ положеніи слѣпорожденнаго, которому воспѣвають красоту красокъ!» Однимъ словомъ, на склонѣ лѣтъ мой пріятель изъ бывшаго пессимиста обратился въ убѣжденнѣйшаго оптимиста, хотя это не мѣшало ему сильно страдать, всего болѣе въ виду болѣзни или горя близкихъ ему лицъ.

Никоимъ образомъ не слѣдуетъ думать, что этотъ примѣръ составляетъ исключеніе.

Въ «Этюдахъ о природѣ человѣка» я уже показалъ, что почти всѣ пессимистическія теоріи были задуманы молодыми людьми. Въ примѣръ были приведены *Будда*, *Байронъ*, *Леопарди*, *Шопенгауэръ*, *Гартманнъ* и *Майнлендеръ*. Къ нимъ можно теперь присоединить и *Метерлинка*, пессимиста въ юности, сдѣлавшагося оптимистомъ въ зрѣломъ возрастѣ, а также много другихъ менѣе извѣстныхъ именъ.

Часто спрашивали себя, какъ объяснить, что *Шопенгауэръ*, философія котораго была, несомнѣнно, искренней и проповѣдывала возвращеніе въ Нирванѣ, въ концѣ-концовъ сталъ такъ дорожить жизнью, вмѣсто того чтобы покончить съ нею, какъ это сдѣлалъ позднѣе *Майнлендеръ*. Это объясняется тѣмъ, что *Шопенгауэръ* достигъ возраста, когда развивается чувство жизни.

Очень извѣстный современный невропатологъ *Мебіусъ* ¹⁾, въ высшей степени тщательно изучившій біографію и сочиненія *Шопенгауэра*, выводитъ изъ нихъ, что въ старости образъ мыслей его принималъ оптимистическій оттѣнокъ. Правда, *Шопенгауэръ* никогда не отрекался отъ своего юношескаго пессимизма; но это, по всей вѣроятности, зависѣло отъ того, что онъ не давалъ себѣ достаточнаго отчета въ настоящемъ значеніи своей психической эволюціи.

Пробѣгая сочиненія современной психологіи, я не нашелъ въ нихъ изложенія цикла и развитія человѣческой души.

Въ столь ученомъ и добросовѣстномъ сочиненіи *Ковалевскаго* о психологіи пессимизма я обратилъ особенное вниманіе на слѣдующее мѣсто: «такія бѣдствія, какъ голодъ, болѣзнь, смерть и т. д., одинаково ужасны во всѣхъ возрасты и во всѣхъ слояхъ общества» (стр. 95). Изъ этихъ словъ я вижу, что авторъ не имѣетъ въ виду перемѣны въ эмоціяхъ, происходящей въ теченіе жизни и составляющей одинъ изъ великихъ законовъ человѣческой природы. Боязнь

¹⁾ Ueber Schopenhauer. Leipzig, 1899 г.

смерти ощущается далеко не одинаково въ различныхъ фазы жизни. Ребенокъ не имѣетъ понятія о смерти и не ощущаетъ никакого сознательнаго страха передъ нею. Юноша и молодой человекъ понимаютъ ужасъ смерти, но далеко не такъ сильно боятся ея, какъ пожилой человекъ, у котораго чувство жизни достигло уже полного развитія (см. выше, стр. 110).

Вотъ почему молодые люди обыкновенно относятся равнодушно или даже враждебно ко всѣмъ мѣрамъ гигиены, въ то время какъ старые охотно подчиняются ея требованіямъ.

Эта разница въ развитіи чувства жизни, несомнѣнно, и составляетъ одну изъ причинъ пессимизма среди молодыхъ людей.

Въ своихъ психіатрическихъ очеркахъ *Меліусъ* ¹⁾ выразилъ мысль, что пессимизмъ есть ступень юношескаго возраста, уступающая позднѣе мѣсто болѣе свѣтлому міровоззрѣнію. «Въ теоріи,—говоритъ онъ,—можно оставаться пессимистомъ, но чтобы быть пессимистомъ по чувству, надо быть молодымъ. Чѣмъ старше мы становимся, тѣмъ больше дорожимъ жизнью»... «Когда пожилой человекъ не страдаетъ меланхоліей, то онъ не чувствуетъ себя пессимистомъ». «Мы не въ состояніи удовлетворительно объяснить психологию пессимизма молодыхъ людей; но онъ зависитъ отъ органической причины... и такое душевное состояніе надо разсматривать, какъ болѣзнь молодости» (стр. 182).

Мнѣніе лейпцигскаго невролога вполне подтверждается примѣрами *Шопенгауэра* и того ученаго, психическую эволюцію котораго я описалъ выше.

Эволюція чувства жизни въ развитіи человека составляетъ настоящую основу философіи оптимизма. Оно, это чувство, имѣетъ громадное значеніе и потому должно быть по возможности тщательно изучено.

Наши чувства вообще способны значительно совершенствоваться. Чувство красокъ развивается у художниковъ до степени, несвойственной обыкновеннымъ людямъ. Они отличаютъ оттѣнки тамъ, гдѣ нехудожники вовсе не замѣчаютъ ихъ. Точно такъ же можно усовершенствовать слухъ, обонаніе и вкусъ. Такъ, специалисты отличаютъ качество винъ съ искусствомъ, недоступнымъ для простыхъ смертныхъ. Я не пью вина и способенъ отличить бордосскія отъ бургундскихъ винъ только по формѣ ихъ бутылокъ. Наоборотъ, будучи любителемъ чая, я легко отличаю его сорта.

Не знаю, есть ли тонкій вкусъ прирожденное свойство, но онъ, несомнѣнно, поддается усовершенствованію.

¹⁾ *Меліусъ*. Гёте, томъ I. Лейпцигъ, 1903 г.

Органы чувствъ особенно развиты у слѣпыхъ, такъ что это до нѣкоторой степени должно замѣнять имъ зрѣніе.

Для изученія развитія чувства жизни очень большое значеніе имѣетъ вопросъ объ усовершенствованіи органовъ чувствъ, и я всего болѣе разсчитывалъ на данныя относительно слѣпыхъ. Такъ часто говорятъ объ успленномъ развитіи ихъ органовъ осязанія, что, казалось бы, это должно быть несомнѣннымъ фактомъ. А между тѣмъ болѣе точныя справки доказываютъ обратное. При помощи обычныхъ приѣмовъ для опредѣленія осязанія *Грисбахъ* ¹⁾ нашелъ, что острота его у слѣпыхъ нисколько не больше, чѣмъ у нормальныхъ людей.

Для того, чтобы уколъ каждымъ изъ концовъ циркуля былъ ощутимъ въ отдѣльности, приходится раздвигать ножки циркуля, по крайней мѣрѣ, столько же у слѣпыхъ, какъ и у зрячихъ.

Ослѣпшій знаменитый окулистъ *Жаваль* ²⁾ удивляется тому, что острота осязанія значительно слабѣе у слѣпыхъ, чѣмъ у зрячихъ. Напримѣръ, говоритъ онъ, у слѣпого, который много читаетъ пальцами, для ощущенія двойного укола въ указательный палецъ надо раздвинуть ножки циркуля на три миллиметра, въ то время какъ у зрячаго—всего на два (стр. 123).

Грисбахъ идетъ еще дальше и утверждаетъ, что ни слухъ, ни обоняніе не развиты у слѣпыхъ больше, чѣмъ у зрячихъ.

Если чувства эти до нѣкоторой степени замѣняютъ зрѣніе, то это зависитъ просто отъ примѣненія слѣпыми такихъ впечатлѣній, которымъ зрячіе не придаютъ никакого значенія. Видя окружающее, мы уже не станемъ обращать вниманіе ни на различные шумы, ни на запахи и другія внѣшнія проявленія. Слепому же они возмѣщаютъ отсутствіе зрѣнія. Опредѣленный звукъ, напримѣръ, можетъ указывать на то, что открываются сосѣднія ворота и что слѣдуетъ поэтому остерегаться выѣзжающаго экипажа. Запахъ можетъ указать мѣсто нахождения,—конюшню, кухню и т. д.

Но не острота чувствъ интересуетъ насъ главнымъ образомъ: она можетъ быть одинаковой у слѣпого и у зрячаго, даже больше у послѣдняго; между тѣмъ лишь слѣпой безъ труда разбираетъ рельефныя точки и читаетъ по нимъ пальцами такъ же легко, какъ зрячій глазами по печатному. Это свойство развилось у слѣпого только путемъ упражненія и основано на воспріятіи тончайшихъ осязательныхъ ощущеній.

Съ другой стороны, опредѣленіе осязанія циркулемъ указываетъ на одну лишь сторону этого чувства, а не на всѣ вообще.

¹⁾ *Kunz.* Zur Blindenphysiologie. Wiener Medicin. Wochenschrift, 1902 г., № 21.

²⁾ *Жаваль.* Физиологія чтенія и письма. Парижъ, 1905 г.

Но, даже отвергая усиленіе четырехъ чувствъ, остающихся у слѣпыхъ, приходится признать, что у нихъ развилось настоящее *новое* чувство. Утверждаютъ, что они обладаютъ шестымъ чувствомъ — «чувствомъ препятствія». Слепые, особенно очень рано потерявшіе зрѣніе, приобретаютъ поразительную способность избѣгать препятствія и издали узнавать окружающіе ихъ предметы. Такъ, слѣпые дѣти бѣгаютъ въ саду, не натываясь на деревья. Д-ръ *Жаваль* ¹⁾ говорить, что нѣкоторые слѣпые могутъ считать окна нижняго этажа, проходя мимо дома. Одинъ учитель, ослѣпшій съ четырехлѣтняго возраста, гуляетъ одинъ въ саду и никогда не натывается ни на дерево, ни на столбъ. Онъ ощущаетъ стѣну на разстояніи двухъ метровъ.

Однажды, вошедши въ первый разъ въ обширную комнату, онъ почувствовалъ посреди нея присутствіе крупнаго предмета, въ которомъ предположилъ бильярдъ.

Другой слѣпой, прохаживаясь по улицамъ, ясно отличалъ лавки отъ частныхъ домовъ и считалъ окна и двери.

Дѣйствительность существованія чувства препятствія основана на точныхъ фактахъ и не подлежитъ сомнѣнію.

Что же касается объясненій механизма этого чувства, то они очень различны.

Докторъ *Целль* ²⁾ думаетъ, что «шестое чувство» существуетъ не у однихъ слѣпыхъ и что «зрячіе могутъ развить его путемъ упражненія, такъ какъ оно безсознательно присуще почти всѣмъ». Между тѣмъ даже нѣкоторымъ слѣпымъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ не удастся развить его въ себѣ. Примѣромъ служить д-ръ *Жаваль*; онъ выучился читать пальцами, но не можетъ отличать предметовъ на разстояніи.

По наиболѣе правдоподобной гипотезѣ, шестое чувство находится въ зависимости отъ барабанной перепонки, слѣдовательно, связано со слухомъ.

Какъ извѣстно, шумы мѣшаютъ различать препятствія, снѣгъ тоже является помѣхой, дѣлая неслышнымъ звукъ шаговъ.

Слепые настройщики, у которыхъ очень развитой слухъ, въ то же время обладаютъ высшей степенью развитія «шестого чувства».

Вышеприведенные примѣры доказываютъ, что природѣ чело-вѣческой свойственны и такія чувства, которыя обнаруживаются только въ исключительныхъ случаяхъ и требуютъ спеціальнаго упражненія. Въ эту категорію входитъ до извѣстной степени и

¹⁾ Между слѣпыми. Парижъ, 1906 г.

²⁾ Der Blindenfreund. 15 февр. 1906 г.

«чувство жизни». У некоторых людей оно развито очень слабо. Большею частью оно обнаруживается поздно; но иногда появляется и раньше, под влиянием болезни или другой смертельной опасности. Случается, что у людей, пытавшихся лишить себя жизни, внезапно пробуждается инстинкт жизни, заставляющий их всячески стремиться спасти себя.

При этих условиях понятно, что «чувство жизни» может развиваться как у здоровых людей, так и у больных хроническими или острыми болезнями.

Эти различные видоизмѣненія можно поставить въ параллель съ развитіемъ полового чувства. У некоторыхъ женщинъ оно вполне отсутствуетъ, у другихъ — развивается лишь поздно. Иногда для пробужденія его нужны особые условія, какъ, на примѣръ, роды или болѣзненное состояніе и т. д.

Въ виду того, что «чувство жизни» поддается развитію, слѣдуетъ въ этомъ смыслѣ направлять и воспитаніе, точно такъ же, какъ мы стремимся у слѣпыхъ усовершенствовать чувства, замѣняющія зрѣніе.

Поэтому молодымъ людямъ, склоннымъ къ пессимизму, надо всегда внушать, что ихъ душевное состояніе только временное и что оно, по законамъ человеческой природы, должно будетъ уступить мѣсто болѣе свѣтлому міросозерцанію.